

XVII.

ПРО ДУРАЧКА.

Жилъ мельникъ, у него было три сына—два умныхъ, третій дуракъ. Вотъ этотъ мельникъ померъ. Старшему сыну отказалъ мельницу, среднему жеребца да корову, а дураку отказалъ одного быка. Дуракъ и говоритъ матери: матушка, пойдемъ ко мнѣ жить. Она ему говоритъ: что жь я у тебя стану дѣлать, у тебя и поѣсть нечего. А онъ говоритъ: матушка, не твое дѣло. — Вотъ она пошла къ нему жить.

Разъ приходитъ дурень къ среднему брату, увидалъ середній братъ корову доить, побѣгъ скорѣй домой, говоритъ матери: давай, мачка, чашку, пойду свою корову доить. Зачалъ своего быка доить, тотъ ему ни капли молока не далъ. Пошолъ дуракъ къ матери: матушка, матушка, братъ много молока надоилъ, а наша корова хоть бы канула. Давай я ее поведу продавать. Мать говоритъ: — ну веди. Повелъ онъ быка; подводитъ къ лѣсу, тамъ стоитъ подгнилое дерево. Вѣтеръ дунулъ, оно скрипнуть. А дуракъ говоритъ: здорово!—Оно другой разъ скрипнуть. А онъ говоритъ: пожалуй купи. — Оно третій разъ скрипнуло. — Я, говоритъ, 30 рублей не возьму, а 40 коли дашь возьму. — Оно четвертый разъ скрипнуло. Онъ давай скорѣй быка привязывать къ дереву. Привязалъ да говоритъ: деньги давай.—Оно ему скрипнуло. Онъ говоритъ:

завтра? ну хорошо, приду.—Приходить къ матери. Та спрашиваетъ—кому жъ ты продалъ? Да вонъ тамъ стоитъ.—А деньги-то что жъ?—Онъ говоритъ: велѣлъ придти завтра.—Ну, завтра сходишь.

Пошолъ дуракъ на другой день къ дереву, уви-дѣлъ тамъ волки быка грызуть, воротился назадъ. Матушка, матушка тамъ у него гости обѣдаютъ.—Пошолъ къ дереву на третій день съ топоромъ: давай, говоритъ, деньги. Оно ему скрипнуло.—Нѣтъ не завтра,—а по нашему вотъ какъ,—да какъ треснетъ его топоромъ. Оно свалилось, подъ нимъ деньги лежатъ. Онъ взялъ нагребъ полонъ мѣшокъ, идетъ по дорогѣ домой. Встрѣтился съ нимъ мужикъ спрашиваетъ: что, дуракъ, несешь?—Деньги несу.—Гдѣ взялъ?—Да вонъ тамъ, еще воза на два будетъ.—Приходитъ онъ къ матери домой. Спрашиваетъ мать его: гдѣ ты, дитяtko, денегъ взялъ?—Постой матушка, поживемъ, говоритъ. Тамъ еще воза два будетъ. Только, говоритъ, со мной мужикъ встрѣтился, я ему и сказалъ гдѣ деньги.—Она ему: ахъ, ты дуракъ, дуракъ! за чѣмъ ты ему сказывалъ, онъ теперь всѣ ихъ погребетъ.—Постой матушка я его догоню.—Побѣгъ дуракъ, догналъ мужика, свернулъ ему голову, пришолъ домой.—Матушка, я ему голову свернулъ, теперь никто денегъ не тронетъ.

Пошолъ онъ поутру туда опять къ деньгамъ. Принесъ деньги домой. Половину въ избу высыпалъ, половину въ сарай снесъ. Тутъ пошолъ мужику розыскъ. Приходятъ къ дураку спрашиваютъ: не видалъ ли мужика?—Вотъ говоритъ, хватились, я ему давно голову сорвалъ.—Гдѣ жъ голова-то?

— Вотъ, говоритъ, на потолокъ. Полезли на потолокъ. А ее тамъ нѣту,—мать ее прибрала: козлиную голову на мѣсто ее положила. Онъ говоритъ: что, ваша голова съ глазами? — Съ глазами. — Съ висками?—Съ висками.—Съ бородой?—Съ бородой. — Съ рогами? — Нѣтъ говоритъ. — Дуракъ кинулъ ее оттуда, попалъ въ старика, расшибъ ему лицо до крови. Они и ушли. А дуракъ ходилъ въ сарай деньги караулить; спалъ все на нихъ. Братья узнали, что у него деньги въ сараѣ, говорятъ: давай его уьемъ, а деньги выгребемъ. На эту ночь дуракъ не пошелъ самъ спать—послалъ мать свою. Приходятъ братья—убили мать свою сразу, только одинъ разъ она крикнула. Дуракъ услышалъ. Прибегъ туда, кричитъ: караулъ, мою матушку убили! Братья говорятъ: молчи, дуракъ, вотъ тебѣ сто рублей. Онъ говоритъ: давай,—взялъ деньги. Посадилъ мать въ салазки, везетъ по дорогѣ. Ъдетъ купецъ тройкой: посторонись, говоритъ; онъ взялъ мать кинулъ подъ лошадей,—а самъ убежъ. Схватилъ лошадь за возжу кричитъ: караулъ, мою матушку убили! Купецъ говоритъ: молчи дуракъ, вотъ тебѣ сто рублей. — Давай, говоритъ дуракъ. — Посадилъ опять мать въ салазки, привезъ въ деревню ночью къ одному мужику; въ сѣнцахъ покатно, онъ поставилъ мать у самой у двери самъ въ окошко стучить. Мужикъ выходитъ, только отворилъ дверь, она ему прямо подъ ноги, онъ ее давай тамъ мять, а дуракъ кричитъ: караулъ, мою мать убили! Вотъ онъ съ мужика тоже сто рублей взялъ. Повезъ мать свою къ рѣчкѣ, болтыхнулъ ее въ рѣчку, пошелъ къ братьямъ, они его стали спрашивать: куда, го-

рять, мать дѣвалъ? Онъ говоритъ: я ее въ деревнѣ продалъ. Ка-бы, говоритъ, въ городъ повезъ, тамъ бы еще дороже дали.—Многоли же ты взялъ?—Да, вотъ, говоритъ, карманъ цѣлый. Братья давай своихъ женъ бить, повезли ихъ въ городъ, ихъ тамъ за-садили въ острогъ. А дуракъ сталъ жить-пожи-вать, добра наживать, худо проживать.

ХVIII.

ПРО СТАРИКОВА СЫНА.

Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ. Старуха говоритъ старику: отдай его въ ученье, что онъ у тебя болтается. — Старикъ взялъ своего сына и пошелъ. Приходятъ въ лѣсъ, въ лѣсу встрѣ-тился имъ старикъ и спрашиваетъ: куда ведешь мальчика? — Вотъ веду въ городъ отдать въ какое нибудь ученье. Старикъ говоритъ: отдай мнѣ его въ ученье. — На сколько?—На четыре года.—Такъ старикъ отдалъ мальчика и воротился домой. Ста-руха встрѣтила старика и спрашиваетъ: въ какое ты мастерство отдалъ сына? Старикъ говоритъ: я не знаю. — На сколько?—На четыре года.—И на-чала старуха бранить его за то, что онъ не знаетъ куда и въ какое мастерство отдалъ сына. Четыре года старуха не давала покою старику, все бра-нила его: можетъ, ты отдалъ его къ вору, или раз-бойнику.